

МОДИТЕН-депо

СОДЕРЖАНИЕ :

вместо предисловия	3
М. Кондратьев. ТОМУ ПОДОБНОЕ	4 – 29
Д. Григорьев. Некоторые творения 1986 года.	30 – 66
Б. Пузыно. КНИГА	67 – 97
В. Ртомкер. Кое-что из всяких-разных сборников за февраль-июль 1986.	98 – 136

вместо предисловия

остановка «Парк имени Истребления»
МОДИТЕН – депо – называется это время
сортиров школьных, где
в кафель сводятся пути.
И поколение летит
с последнего этажа высотного здания
разваливаясь по типу
словесного пирога:
так мало похожи на птиц,
так мало похожи на кал,
так мало прожили, так мало знаем
но каждый находит то, что искал

М. Кондратьев

ТОМУ
ПОДОБНОЕ

ДВИЖЕНИЕ № 16

восторг толпы как молоток и брызги
как в голос воющие в клетке антрацита
и полоумный председатель с грыжей...

а ты меняя ложную позицию
на постаменте праведном и скорбном
рубашку на костер кидай последнюю
ты вправе — всё продолжится восторгом
а к ночи всё закончится комедией...

и площадь под тобой как лес иголок...

ты сплунешь и пойдёшь в соседний город

САЛАМАНДР

ТЫ ВЫШЕЛ ИЗ ВОДЫ И КАМНЯ
И НЕ СПОСОБЕН УМЕРЕТЬ
ОНИ КРИЧАЛИ: САЛАМАНДР
И МОЛКЛИ НАЧИНАЯ ТЛЕТЬ

КОСТРЫ НА ПЛОЩАДИ ПЫЛАЛИ
КОЛОННА ПАДАЛА ВО ПРАХ
И ЛЮДИ ЗАЛИВАЛИСЬ ЛАЕМ
ЦЕПНЫЕ ПСЫ О ДВУХ НОГАХ

НО ВОТ — МГНОВЕНИЯ ПОЖАРА
ИСЧЕЗЛИ ЗОЛОТОМ ЗВЕНЯ
Я ВИЖУ ТОЛЬКО КЛОЧЬЯ ПАРА
И ТЫ ВЫХОДИШЬ ИЗ ОГНЯ

ПРИСУТСТВИЕ

я иду наобум по траве
мёртвые бабочки напоминают о лете
далёком как бог
ночные дети уходят в лес
я тщетно вспоминаю себя
моё присутствие вновь неуместно

в лесу на старой сосне
через неделю будет висеть убийца
в его лице я узнаю себя
и вернусь к реке лишённый страха
десять лет без тени страха
сквозь бурелом
в лес в лес

гномы и лешие прячутся в чаще
моё присутствие вновь неуместно
здесь снова один
я пишу на лбу сосны кровавый вопрос
река будет течь лес будет жить
я пишу и пишу

люди! когда я был молод кто
сжёт мои крылья и выпил мои глаза?

ДЕПРЕССИЯ № 13

зелень движется к жёлтому время твоё на исходе
исполненный зависти к югу движется ветер
ветрено время теперь электроды
подведены к вискам

небольшие дети
ростом с медузу глотают последние литры моря
но это лишь ледяная игра стоит
мол рассекая воду скалы свистят «Gloria»
мой неожиданный приют на скалах пурпурный шёлк мирт

лёгкая колыбель беспросветная ночь и пейзаж
стёрт мёртв на глаз неприятная сырость
вливается в мозг береговым отчуждением за
пробуждением ночь немедленно скрылась

стёрлась из памяти прочь оставив неясный бред
умирает медуза и дети проносят весло
в глубине дельфин сможет прочесть понять повезло
я остаюсь один видимо штиль дрейф

ЛЕСТНИЦА

вертятся ломкие лопасти ломкие кольца колеблются
лебедь летит к облаку лестница крепится к небу
штиль меткие хлопья медленно стелются лезвие
мельницы режет ровные стрелы ступени лебедь
остановился и вглядывается в лес
мгновенно метель блеск молния шелест моря...

ПОЕЗД ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ

I.

приближается поезд чтобы оставить голос внутри и проводить его
взглядом

каждый делает только то что может а может только так как надо
жёлтые птицы ассоциаций лепят время по-своему пальцы грозят
курки давно на взводе
спутаны нити мыслей птицы садятся поезд уходит

снова осколки фраз наполняют влажную мглу в том мире который
все называют мозгом

напрасно напрасно пытаешься вынести весь этот мусор – поздно
и всё же только ты способен видеть только ты можешь здесь что-
нибудь изменить
мертвенно белый беги навстречу клубок распутан
вот нить.

II.

помнишь последний месяц на склоне года нити всегда длинней
мы трогали плоть руками слишком часто чтобы взлететь слишком
редко чтобы привыкнуть к ней
когда поднимались головы солнце смотрело в глаза бросая тела на
снег

и кровь бородатых рабов текла в наших жилах когда мы думали кем
человеку должен быть человек

помнишь мёртвые птицы лежали как ягоды мы бросали их вверх в
холодный воздух с привкусом дыма

один из нас случайно подбил какого-то бога летевшего мимо
видимо каждый бог должен верить в себя и знать что возможен
случайный исход

иначе место его на прицеле жадные руки тянутся
поезд идёт.

РЕВОЛЮЦИЯ № 17

голосом полным гроба — о бездонные норы
есть много причин забыть свой голос и номер
есть много шершавых слов проходящих плывущих в гаме
и суицидальный герой бредёт механическими шагами

каждая нота чище на улице запах мозга
поздно лишь опоздать а совсем не прийти не поздно
словно последний дождь смывает лица и знаки
там где двигался этот мир и навзничь падает знамя

медленный ход минут — почему же было так поздно
теперь так много причин забыть и ленту и поезд
теперь так много на слух но никого для шага
и жёлтый ноготь скользит по лицу хрустального шара

просто назад где всё безнадежно и пусто
теперь так много причин забыть и джерри и вудсток
маска ради лица вопросы ради самих вопросов
ты поплывёшь один — за тебя не утонет Йозеф

РЕВОЛЮЦИЯ № 11

экстумация мысли перемещением центра
из грязи да в князи да сколько ещё кирпичей
они ожидают прикреплены к месту и ценник

приклеен ко лбу афродиты безотносительно чьей
они ожидают но вряд ли дождутся лопаты
и вряд ли какой-
либо молот а видимо крюк и петля
во знании тщетно пребудем и снова с ногами на скатерть

о паранормальность ивана о метафизичность петра

ДЕПРЕССИЯ №5

молоток во лбу остановишься – падай
зная что долго и молча зная что даром
понимая раздумье измочаленной палки
во влажной местности вне дао и дхармы

стук долота по рёбрам колебание листьев
кольхание памяти в тёмно-красном и дальше
стеклование мозга но и больно и близко
ближе собственных глаз ближе вёрткой удавки

ДВИЖЕНИЕ ВЗ

знание пульса мысли концентрации крови
в жилах позволит выжить кривое станет прямым
медный магистр машины шепчет — героев
пророков много и все правы

направо лестница влево закон
как бы хотелось думать но стёкла
разбиты раздавлены мутный конь
понесёт меня перебирая ноги к востоку

разные краски затишье до крика болен
полубредовый плебей шерстяная душа
надо ловить своё теперь не до брёвен
квази-констриктор порой не дыша...

исполнение лучше пожалуй чем в омут
подсознательно двигая пальцами телом
нет нет я не хочу пейзаж стал знакомым
да да в водоёме я искал его где он?

ВОЙНА

напрасно радость моя парадом ты дышишь и радугой
лгал нам тот парень с глазами глядевшими надвое
лгали нам вестники парами шедшие к западу
голые головы их ложью пропитаны ядом радость моя

ржавый вокзал тот лобным местом был залом праздника падал
падали гордые войны мозгом подобные скальпелю
разумом – голубу с рваным грохотом голоса радость моя
маяк мой колоннами шли мы по этому городу волчьими

глазами рвущими горло травили небо и жителей
в ключья лопнувших злостью
нож мой радость моя напрасно считали друг друга мы
братьями сёстрами брось ты

КРИК

долгий остервенелый крик изо рта глотавшего камни
пронёсся над той дорогой где ждал раздавленный под ногами
где всё случившееся с тобой казалось кармой заменой казни
мозг твой открыт как карта которой не ждал ты парень

ты не заметил окостеневшее под обломками неживого
когда по жилам бил ток когда их сотни стояли двое
смертельный ветер лишал желания жизни воли...

ТЫ СЛИШКОМ МАЛО ПОНЯЛ ДЛЯ СМЕРТИ ВОИН

ДВИЖЕНИЕ В1

я вспоминаю месяц бледных лиц их
я вспоминаю проблеск в облаках
в том городе лишённом глаз великого
мы шли сжимая золото в руках

глотаю пепел наших лет и времени
от колыбели до больших дорог
теряя память изредка смотрели мы
поверх ограды в чей-то огород

поверх улыбок суицидных жителей
нас провожавших смехом и слюной
мы шли приговорённые пожизненно
глотать убийства пополам с вином

какие ветры дули в спины холодом
какие звёзды падали с небес
когда мы шли тем бесконечным городом
теряя голос поднимая крест

ВЕСТЬ

территория смерти — ты понял что это не здесь
не твоё и не явь но ни дня сожаления мы
в ответвлениях линии дальше чем смерть
дальше чем долгое ложное злое движение тьмы

твоё понимание меди бесспорно как бездна
неявных пропорций меж мной и рассудком —
рядом сидящие судьи известны
лишь плотью своей привилегиями забудь их

я стоял и листал страницы запретной книги
дым подобрался по полу покрывая
ковёр и всё опять предстало безликим
провидческим дурно пахнущим стены рая

тверды как стены дурдома
часто казалось мне — где-то здесь
должна быть трава с ощущеньем знакомого
должен быть бледный всадник несущий весть

ДОЖДЬ

я стоял на мосту пытаюсь поймать глазами
капли дождя окна больших домов незначительный ветер
дунул в лицо я покачнулся и замер
думая о немногих кто мог бы идти навстречу

мимо прошёл серый трамвай с металлическим пульсом
я проследил за ним отшвырнув окурок
в чёрную воду реки туда где глухо и пусто
в зону мёртвых вещей маниакальных волн гулко

забарабанил дождь по моей бесформенной шляпе
город сверкал витринами водосточные трубы
извергали потоки деревья тянули влажные лапы
стараясь поймать из люков всплывали трупы

ПАРАБОЛА №13

крест
человек висит как перст один
в миру не понят в небе не бессмертен
палач наводчик – их песок в гортани

крест
время казни миновало
царит здесь побеждающая месть

...а штурман держит руки на штурвале
помощник спичку чиркает...

крест крест
и тот кто там
остывший за ночь так и не оплакан
хоть и отмщён пред теми кто под златом
не видит крови липнущей к рукам

крест
сохраню тебя и символ твой как воздух

...а с моря бриз и вышли корабли
спокойны как и ты перед уходом
как ты не знающие город свой и возраст
не слуги кесаря а жители земли
как ты узнавшие и молоток и гвозди

ПАРАБОЛА №16

люди безумны катаясь по эскалатору вверх вниз задевая
друг друга вперёд пробиваясь и принимаясь во всём разбираться
до брани крика плевков ловких улыбок – жизнь их такая

люди любимы любят принимаясь кататься вдоль по возлюбленной
жизни часто не понимая куда им следует плыть прикрепляться –
доля такая – идти липнуть к стенке ли к карю

я и сам порой забываю кто я зачем и где пребываю
в азии ли я пещерный отшельник или в европе
в полном клопов напившихся лопнувших пьяном борделе
солдат разгромленной армии кайнов мать мария
скажи мне кто я на самом деле где я
зачем я здесь обитаю и главное –
почему и какое всем до этого дело?

я помню как очень давно ещё до первых шагов бодхидхармы
до лёгких коней ханов сожжений джордано жанны
до первых глотков сен-жюста свободны державы
до брюха распутина скрипа империи ржавой
до сталина жукова конева...

я был спокоен как мёртвый – в точности так же спокоен
и пойман в пойме зажжённой реки где нас обычно и ловят
на голос и на спокойствие наших движений
аминазин гроб по пояс всё в норме

я проклиная людей традиции греющей горло их гадам
я проклиная толкавших в глотку сибиря в подвалы гестапо
строивших тюрьмы и печи лечебницы где калечат
хрипы творца mein kampf за родину лозунги грозные речи...

мать мария так что же такое вечность?

вечность – это смотреть в глаза на то я и создан
чтобы смотреть в глаза цвет сверяя по звёздам и солнцу
я не продам и не сдамся не верь что я познан и пойман
тень луны фонари сверкают июльской ночью гроздьями
сёстры мои дождевые капли в ладонях младенца гвозди
в глазах моей смерти свет чужие смерти лишь гости

не торопись убеждая не так-то всё просто как просто
это всего лишь твой медленный голод твой
необитаемый остров

СНЫ

остановись мгновение ты как поезд
и незнакомец в зеркале все медлит роется
в карманах и в снах промелькнувших
что ещё могло случиться с тобой?

... мне никогда не знать зачем ты уходила куда ты шла
на диво медленно всё дальше уходила
передвигая сотни сонмы карт прогретых на солнце
стой никогда не вспомнить что здесь было
стекла не бил не слышал погребального отсюда
как трудно не узнав ни клетки твоего причудливого тела
стереть ладонью голос твой движение в пространстве
я жил собой а ты нашла своё как странно
что я остался в страхе ты летела
сверкая крыльями прижав к лицу ладонь...

и никогда не видеть этот сон со мной сегодня
осенний дождь дрожь на мосту погода
воды дорога где я у светофора на глазу
у милиционера груз в ладони
в моем кармане гвоздь и я могу...

...и я могу перекрестить твой голос
на грудь твою лишь бременем ложась
не узнавая дома словно дым по пояс
но понимая сны свои и явь
твоей весны уйди я не увижу
успокоюсь

ПАРАБОЛА №3

она ушла на крюков канал сжимая в руках свою сумку сука
ушла она на кто знает куда так и держа в руках сумку
она ушла на кто знает на что и куда зажав сумку в мокрых руках
сумку зажав руками закрыв глаза она ушла

кто мне ответит теперь с чем она ушла на крюков канал
забыл я сперва про нее и что ушла она на крюков канал
без вопросов зачем она уходила туда-то и с тем-то
она ушла ее нет какой тут был криминал
кто помогал вытирать с пола кровь дрянь она или я
кто помогал мне помогал ей дойти туда-то и с тем-то синей
до просветления стол я перевернул как это и водится
она спросила нет ли а может есть еще пиво и водочка
не было ничего она ушла на крюков канал сжимая в руках свою
сумку
в сумке в руках ни капли спиртного она уходила так
так уходила

как ходит косяк колюшки по крюковому каналу
приводя воду в движение вдаль по крюковому каналу
не останавливала ее ментовка нехорошо улыбалась но обходила
сворачивая в переулок с крюкова канала а она
шла в такт с мерцанием звезд зажженных над крюковым каналом

она так хотела пройти по крюковому каналу
что я не мог отказать ей никому кто когда-то шел по крюковому каналу
иногда скрывалась она из вида шла по крюковому каналу
со смертью в глазах словно шла по натянутому канату

никогда не думал смогу так пройти по крюковому каналу
думал бывало кто-нибудь так пройдет
но она шла не беря в расчет ни лица ни камни
шла как она одна умела я не знал что она пройдет так

ее движение это движение области смежной со мной
никогда не думал это облако оттолкнет меня
обнимет ее заберет с собой
и оставит мне все остальное

но ни слова из её снов
ни слога из её песен
ни крошки от её хлеба
ни дождевки с её ресниц...

прощай
летняя лестница в небо

ПАРАБОЛА №14

я был зачат в лесу в ночи любви
в ночи я был рождён как бесполезный хлам
родители произвели меня на тьму всех снов на свет всех ламп
исполосован я ножом и колесом бульдозера плетьюми листвы мой
брат
людьми определён как психопат свинья
и мрачен был мой гефсиманский сад...

я безобразно пойман без копья и безобразен я
но понимаю все свои поступки:
в твоём желудке всё накопится – и кровь и плоть
вино и хлеб да и вода мой брат
тогда и выйдешь без дежурной шутки
на тот экспресс который никуда...

...прочь все депрессии маниакальный бег и ступор
прочь мелочь прочь я обещал помочь но не помог
на этом троне ты кричи кричи иуда в рупор
кричи король опознанный не мной – собой

...и вновь застой но в листьях виден дождь – там бой
и брат мой крепко связан
я попытался успеть сказать ему...
сказать или спасти его
или хотя бы знак подать что я ему не брат

...и дальше вплавь не обрывая длинных лилий
твои ли ногти грудь мою скребли тогда твои ли?
до красных линий тот ли я реликт
которого ты помнила когда-то? когда нас целовали
и распни его – распни кричала ты сквозь ливень до заката
те падшие листья тогда казались ангелами падшими
безмолвный ветер гнал их вдаль на запад

ПАРАБОЛА №8

мой психиатр и в роли адвоката невропатолог
влекли меня туда где боль и голод
и гарпии в халатах из крахмала заклеили мне рот меня ломало
закормлен ядом иглами заколот я забывал и город свой и голос
не узнавал того с кем пил и ел не шёл я просто
воздух в пространстве пробивал мою дорогу впотьмах
на полпути к порогу я притормаживал ствола не трогая
не оборвав листа кричал

...простая будь проста как старость моя как
хриплый вопль безумного Христа как
магделины плачущий комочек в горле
не видеть бы как смерть своей ладонью твою прикроет память
и голос – ты идёшь один из ста...

мне было двадцать – после них столетия
я выделял не кровь – адреналин
ты смотришь мне в глаза мой брат – смотри
там растворяется весь город его каналы стройки гаражи
смотри в глаза мой брат я прожил насмерть
я прожил под дождём я прожил ночью
когда все ближние нас поднимали насмех
перемешав нас в кровавой сироп... а впрочем...

...тот зал твои глаза и вновь мне кажется
что пред твоим алмазом я сироп
а ты к плечам моим трясущимся прижавшись
не замечаешь жизнь свою свой шанс встречая день
и голос – будут...

могилы наши на стене в земле
ты говорила это как-то важно – всё же
я не понял – боже правый – важно или праздно
да и совсем не понял ничего
в тебе в твоей картине смерти как обгона
всех нас окостеневших в колее на трассе
теперь когда тебе здесь поздно больно
когда и я сюда иду с тобой и я...

...здесь никогда не делалось по-разному
всё только видимость всё просто колея

БЕССМЕРТИЕ

если ты не смог выпить всю воду сказал гитарист
 вылей её в море смотри день на исходе
 руки твои попятились за спину кисть твоя
 подает на пол красная плоскость перед глазами замерла

я покидаю царство былых откровений вчерашних веяний
 несостоявшихся гениев ломких иллюзий а люди
 смотрят мне вслед удивлённо и слепо
 зная что я всё ещё жив и всё ещё слеп

возможно крот вышедший вверх тот плевок поребрик
 подскажут мне где и направят туда где асфальт
 плавится заживо туда где ты детка сидишь и течёт вода
 я никогда не чувствовал фальши в твоих губах
 мой хохочущий ангел меди плачущий страх
 медленно мертвенно мы выходим нам тепло но когда
 появляется холм на котором конь ты разбиваешь стекло
 глаз красное зарево звук лопнувшей кожи

...и в пятнадцатом веке дождь сыплет холодный душ
 на костёр в котором сгораем не мы – наши души
 притёртые к дереву стёртые по небеса нам странно
 вспомнить когда-то мы думали просто мёртвые мы – это
 и есть наши души мы думали жизнь – это жизнь и только

теперь я стоял и смотрел колебания не было
 мы колебались недолго вдыхая ветер внимая небу
 пока не заметили – тел краснота указывает
 как и дыры в запястьях на бессмертие наше
 на безвыходность нашего счастья
 если наполнена чаша и пролита часть...

...а ты с пеной у рта
 стоишь плача о чём-то о чём-то жалея
 не чувствуя времени смерть твоя во власти твоей
 поверь жизнь твоя свежий ветер вечная дверь
 нашей смерти не было нот верь мне

ФУГА №4

мозг мой тормоз моей машины тонкие руки моей любимой были
лишь движением крови тканью жизни моей болью
моих прозрений нитью судьбы моей измерением
отношения были к небыли мира к зрению моему были
ощущением лучшего отрицанием верности моего зрения
тщетности отчуждения лживости отражения в зеркале

...были волны словно животные стлавшиеся к моим ногам
подземные
воды оборвавшие сон мой сонмы тысячелетий камни лава
кипевшая словно зелье мага разглядевшего сеть созвездий
ожидавшего вестников зеленевший скелет планеты плавный
ход по окружности изменение облика местности мерный
отсчёт времени длинный шаг вечности

...были мои движения на гребне прилива ливни затоплявшие
остров волны стлавшиеся к моим ногам листья гладившие мои щёки
укрывавшие меня травы лёгкий ветер с берега лица
зверей полные нежности снежные облака вечные стражи
солнца звёзды ночью дарившие тайну стаи альбатросов
над морем вспышки света

...остров был полон вопросов и ты дала мне ответы ветер
качал ветви яблоки падали ты не поднимала их просто смотрела
в небо глотая прозрачный воздух открыв ладони дождю и я понял...

...мозг мой мост моей памяти звёзды глаз твоих были
не более чем движение вдоль по линии жизни признаки
нашей причастности к яркости красок мира не более чем разница
двух мгновений там где всё неизменно и неизмеримо
во времени где появление смерти нелепо где реки выносят
воды свои в океан и небо их возвращает к истокам
сколько времени верили мы друг другу нашей вечности всё это было
не более чем любовь не звавшая вечера

Дмитрий Григорьев

некоторые творения 1986 года

С П И М А
1988
С Е Ч Е Н
О Т Е Н

- Правда, бывает такое?
- Несомненно, бывает такое, такое – сякое, и всякое тоже бывает.
- Неужели они – вот такие?
- Да, действительно, вот такие, такие – сякие, ну прямо такие, и над рекой, и вдали от реки.
- Говорят, скоро всё будет так?
- Скорее всего будет так, или сям, или эдак, или как-нибудь будет ещё. уж точно – что будет – то будет.

декабрь

на улице слякоть –
добавьте воду. и к Новому году
Дедмороз в водолазном костюме
научится плавать.
на улице слякоть:
жить бы принцами крови
ковыряя лишь вкусную мякоть,
но скользим, наступая на шкурку –
Мы становимся шуткой,
Нам становится жутко,
когда наряжаем бледные
обсосанные тела-окурки,
чтобы успеть до обеда
в магазин. На улице слякоть
/обыкновенный зимний день/
Скоро рождественские подарки
и грандиозные планы,
писанные вилами на воде.

Лужеплавание вплоть до нового года –
такие вот погоды...

Насморк посуды.
Обросшие мясом крепости
складываются в хозяйственную сумку
согласно семейной летописи.

Космическая глубина
не более миллиметра,
нормальная температура –
36,7
допускаемая разброс в несколько
десятых градуса,

некоторое значение имеют
постель,
определения все,
да из телевизора горсточка
Радости Сладости Гадости Праздности
и т.д.

ПОЧТАЛЬОН

1

купил три бутылки свободы
и несколько дней наслаждения чрева
человек бодрый – бода
не считает времён года.

ещё отсталость дойти до навоза
найти специалиста червей
весенним прыщом подростка
рассыпать коросту
поздно

2

польза
расплетателя кос прибрежных:
– У неё несколько жидких волос.
садовника слов нежных:
– Она совершенно глухая,
охотника взглядов свежих:
– Слепая она от рожденья,
мастера ласк всевозможных:
– Она неподвижной столба
где ж польза?
– Такая судьба

3

таская тело своё
по разным "там"
намазывая дух на сотни рук
состарился мытарь в делотаре
состарился и растаял
в общей сумме

4

прочный сумрак

победил рыцаря электрификации
перевёл пути в коридоры

а ты спичку за спичкой сжигаешь
пытаешься его уничтожить пытаешься
слова отыскать

Б

одним – белой ватой тоска
другим – небеса в сосках

кому-то – чужая рука
кому-то – любовь червяка

но здесь каждый день река
приносит сплошную муть
и не понять: что – кому?

Заговаривать зубы
Заговаривать клавиши машинки
Заговаривать рынок своих мужчин,
Петь о новой лирике.
Лень идёт на убыль.

Заговаривать зубы
Заговаривать тощий вопрос фонарей
Давать новые наименования старому хламу
Заговаривать речь словами,
Кокнуть в парадной лампу
Греясь в тепле батарей
Заговаривать зубы

Вечер идёт на убыль.
Заговаривать двери – откройтесь
Заговаривать ложе – будь мягким
Заговаривать мяту

Петь о новой лирике:
– Пенки варений сняты,
разливайте скорее в банки,
готовьтесь к долгой зиме!

Старинной вещи дать новое имя
Заговаривать жизнь парфюмерией
Боевою раскраской влечений
Смертью банальных изречений
о смерти. Развлечением смерти
Через новое название лирики:
Новая лирика
Ночь идёт на убыль.

Заговаривать зубы
Заговаривать линии новых морщин
– Не говори. Молчи.

Спрашивают меня
– Ты видел бойню?
Сообщают бесстрастно:
– Скоро случится.

Совсем рядом младенец плачет
А я ничего не могу поделать.

Говорят:
– Ему будет не нужно,
Пойдём, посмотришь на механического палача.

Рядом младенец плачет.
Сын мой плачет.
Мне надо его успокоить.

: – Скоро набьём животы мясом
плотно, картофелем кровью,
скоро впитаем землю, – говорят, –
– Мы пришли за тобой.

– Сын мой плачет, постойте,
пожарьте пока картофель,
чай заварите,
Малышка уснёт – И ТОГДА НАЧИНАЙТЕ.

Здравствуй, деревянный.
Поют ли зелёный листья твои?
Пьют ли влагу земную плоды?

– Куда им, лишь вчера я и цвёл,

РЕЛЬС ЗНАЕТ ЗУБ ТЯЖЁЛЫХ ПРЕССОВ
И В НЕБЕСАХ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ
КОРИЧНЕВЫМ ЦВЕТЁТ ЖЕЛЕЗО

А вот пластмассовый, вот шерстяной,
вот тёплый человек жилетка:
– Деревянный, да сохраняют тебя ветки,
ты, говорят, вчера отцвёл,
и лепестки развеял ветер?
– Я лепестки в мешок собрала.

РЕЛЬС ЗНАЕТ ЗВОН КАПЕЛИ КЛИНЬЕВ
ЕГО НАКРОЕТ ТЕЛОМ ДЛИННЫМ
ПУТЬ ПОЕЗДА, И СКОРО РЕЛЬС РОДИТ.

А вот резиновый, как мячик покатился,
вот каменный гремит, вот звякает железный,
и каждый чем-нибудь полезный,
и вместе создают народ.

– А вот ещё один идёт –
ЗЕМЛЯНОЙ МЯСНОЙ КРОВЯНОЙ.

Душа моя, разве ты дочь магазина?
Смотри: уже верба цветёт,
Уже пахнет на солнце резиной,
Значит весна...

.... можно и шёлк отмерить
на перрон – километры,
я из Москвы домой еду,
м такая весна притаилась повсюду,
что снег переездом проскочит.

Можно тогда и дорогу в невесты –
хлюпать шагами меж бёдер обочин,
и, как говорит мой попутчик
– Нет в мире грязи, есть только земля,
весна и случай,
к лучшему...

Праздники, куличи, – кричи – не кричи –
глухой старик смеётся над нервной пляской
то ли делирий, то ли Пасха –
а потом всё остановилось:

Тупые бритвы голубей на помойке,
тупые бритвы дороги домой,
головная боль, просто боль,
праздники – куличи, красные кирпичи.

От похорон до похорон
весны походы
А я ещё люблю – живу:
недавно снег похоронил, и вербу...
Холодно.

платформа

/ стихи в ожидании поезда/

.....

2

– Не грусти, одинокая платформа, –
Поезд вернётся.
Зелёный, как летние листья,
тёплый внутри.

.....

7

Эта платформа – ледяная платформа,
эта платформа – не идейная моя платформа,
А до идейной моей платформы
ещё поезда не ходят.

6

Вот я стою на этой, холодной,
За поручни не возьмёшься – руки мёрзнут –
– Я не сторож тебе, Платформа –
улетай же ты в тёплые страны!

9

Здесь фонари склонялись
над умирающим снегом:
Платформа – гроб ему,
а я – его могильщик –
прыгаю, ногами тесню.

.....

11

Помню девушку в ярком жилете –
-/Одуванчик поля путей/-
она машиниста ругала матом –
Он улыбался ей.
Мартом
на всех наступала весна.

новые времена:

- Здравствуйте, пивные ларьки.
  - Здравствуйте, мамонты и динозавры.
- а завтра:
- Привет, мужики!
  - Свежего пива, пивные ларьки!

Ах, лето, чудесное лето.
Я давно потерял авторучку,
А записную книжку
Пустил на растопку костра...

ДОЖДЬ

... там, на окраине слов –
клевер-ковёр, имя твоё
/ мелкий дождь над конторой
и несколько машин ползут,
а светофоры пузырями в лужах
сигналят:
красные, зелёные –
– салют люблю/
там, за пределами слов – имя твоё,
солнце твоё, клевер-ковёр...

несколько стихотворений :

"город на берегу моря"

вся то радость: проснуться бодрым
среди чаек морских, среди камыша;
чайка рыбу поймает, взлетит, уронит
вся то радость: свободно дышать.

*

– А что завтра?
– Завтра?! – "ВПЕРЕД"
/впереди, на углу,
очередь сумчатых женщин/
– Это Родина, папа, да?
– Нет, милый, это беда –
ежедневная наша еда.

*

Проспект не бывает пустынным
Но проспект бывает пустыней в час пик.

– Спи, поздно уже. Пи пи пИ ПИ ПИ !!!! –
– новорожденные машины
кричат, и не остановить их крик.

*

Мама стала меньше.
Я всё дальше живу от её вчера,
но ближе к вечеру.

Нет, не к вечеру – к вечности.

*

Птичьи следы продолжаются веточкой вены
День добрый! – море проливает навстречу дождю камыш
твой портрет нарисует чайка.

*

М.К.

Без зелёного гонора,
без коричневых гонораров.
Дай бог, добрых рук – оставаться,
дай бог, дождём всех – дожждаться.

1

Мы случайно сломали лето
– поющую тростинку лесного бога –
такой розовый, больной рассвет.

или курица перебежит дорогу,
или ветер войдёт в церковь-склад.
– Я пробовал петь вместе с птицей,
но не смог, – попадал не в лад,
спи, сестра, сладко-сладко –
пусть ничего не снится.

2

– Девочка, этим крестом нас когда-то крестили
но мы стали железным конём России,
страны глины и стали детали.

– Кажется, ветер?

– Нет, просто дрожат пальцы.

3

– Я не знаю имён всех цветов,
сорванных в поле сегодня.

Тёмная капля висит за окном
в облако боеголовок над
кроватью порхает:

– Твой любимый пришёл, дорогая.

– Я собираю дождевики-слезинки,
дождевики-кровинки, дождевики мочи,
капельки пота и спермы.

А он притаился за дверью,
скользкий такой, в сером.

– Это день твой пришёл.....

Император язык соловья съел,
Но не узнал языка соловья.
Императорская собака соловьиною тушку съела,
Но не взлетела, и на ветку не села,
Печального образа рыцарь
Ловил соловьиною лугу
Но, уколвшись розой,
Вспомнил красивую позу
И замер в глубокой тиши
Вне соловьиной души.

Море выеденных яиц,
несколько выведенных птенцов.
Жужжит над инкубатором желток,
когда электрик подключает ток.

– Давай клевать размолотый итог
Намалевав на скорлупу лицо,
мы разливаемся, как страшный кипяток,
и пар скрывает пол и потолок,
И не видать, как в белой пелене,
электрик у рубильника стоит.

Сначала выкормили грудью молоток –
железо пропиталось молоком,
потом, как генерала на покой –
– в собачью будку, где белеет кость.

Всё тело генерала – решето
и дело генерала – молоток:
хозяйничать в саду и строить дом –
вот битвы искупительный итог.

Невеста кормит новый молоток,
блестит под ярким солнцем молоко,
старик в саду медалями цветёт,
И смерть стоит. И жизнь идёт.

ДОН КИХОТ

О, Россинант, на чьем лугу пасешься ты? –
– вокруг тебя скоты, скоты,
парнокопытные рогатые скоты, –
Пастух с кнутом, их сочный Санчо
гоняет стадо миражей
в лугах лобка прекрасной Дульсинеи:
неточность времени и места,
и облаком над нею рыцарь честный,
и лопасть мельницы, которую пронзит.
Комбайн склонится, реквием железнув,
над непорочной жертвою прогресса.

Электричка – родина стоп-кранов.
Мы отправились в изобилье
верхом на будильнике,
а приехали в отправление
времени накопления.

Бог в аквариуме коралл вырастил
Покойник распух от сырости.

– Накурили, сволочи, в тамбуре! –...
и стоп-краны покинули родину.

НЕБО НЕ ОСТАНОВИТСЯ

Упали стоп-краны носами красными
в колею распутную, влажную.

Пожинали мы то, что сеяли,
и смотрели глазами важными
сквозь окошко на воду долгую,
да на низкое небо осеннее.

Что ты пишешь на небе, в кровь разрывая крылья? –
они не умеют читать твои письма,
и протечка на кухне им страшней чем великий потоп,
Всё что будет потом – выстрел,
ничего не будет потом.

...несколько "зачем?" близких людей
наступает осень – сухая кость
неподвижных моих "зачем?"
тихо проносят
А жёлтые листья, как пятаки на глазах
обломанным взглядом назад,
отсутствием Смерти –
зачем?

Отец поседел
у матери руки дрожат
туман – старость – скорость
здесь больно – межа,
здесь жена, сын,
а дальше земля и болото
там я царь,
Царь жаб.
По вечерам слизь становится позолотой
больше раздавленных на дороге –
ребристая икра протектора,
холодная роса пота.

Искал выход в небе –
Нашёл свежий воздух,
Искал выход в ней –
Нашёл только сладкий вход.

Следы её губ –
Рыбы на берегу
Умершего моря.

шесть стихотворений о темноте

1

– Тёмное время, смутные годы, –
узнавая в лицо совпадения, скажут:
– Словно в воду глядели,
зеркальную, незамутнённую,
глубокую, тёмную....

2

тёмные ночи:
молоко становится синим,
если выключить электричество....

3

если выключить свет,
подождать,
пока глаза привыкнут к темноте,
можно увидеть, как светятся наши тела:
грязные, грешные, бранные –
– но светятся ведь!

4

глаза привыкают к темноте
и темнота оживает предметами –
мы привыкаем жить.

5

Он кричал: – В темноте мне
ничего не видно!!!
А когда зажгли свет –
он просто ослеп.

6

по тропинке слепых ведёт слепой,
ещё шаг – и они сорвутся в пропасть:
многие видели эту картину...

не поросла травой тропинка.

Тайна иносказания простой фразы,
в которой и нет-то ничего,
кроме обычного: "ЗДРАВСТВУЙ."
или: "ПРИВЕТ, КАК ДЕЛА?"

Ты поднимаешь удивлённое...
Ты поднимаешь утомлённое...
Ты понимаешь, что я хотел сказать?

некоторые
ЛИСТОВКИ

Листовка 4. Моцарты и Сальери

посв. Пригову Д. А.

есть у моцарта свой сальери
у сальери есть моцарт свой
а собаке собачий вой
у сальери есть свой сальери
и у моцарта моцарт свой
/музыка есть музыка
даже собачий вой/

но если моцарта моцарт
встретил сальери сальери
и если моцарта моцарт
моцартом стал для сальери сальери
и если сальери сальери
стал сальери для моцарта моцарта
то сальери живут сальери сальери
а моцарты умирают гибнут моцарты
и гармонии нет в природе

но если моцарта моцарт
окажется вдруг сальери
для сальери сальери
и сальери сальери вдруг
моцарцом моцарта моцарту станет
то моцарты и сальери
сальери и моцарты
гармонично сплетутся
в один хоровод

но у сальери сальери
наверняка есть сальери
и у моцарта моцарта моцарт
тоже есть непременно
а собака все воет и воет
и это музыка тоже.

листовка 11. ... а литература –
объедет.

бывает везёт в карты
бывает в любви облом
бывает ранняя импотенция
бывает похмельный синдром

бывает всякое, бывает
когда всю ночь бутылочным стеклом
царапает на твоём лице "люблю"
а утром тыходишь к зеркалу
и видишь морщины, только морщины
у неё другие мужчины
у мужчин машины
и ветер в спину

бывает жизнь по другую сторону
бывает по утрам бессонница
бывает просто болит голова
но боль не бывает поровну

А литература – не трамвай.

листовка 13. Каждому своя осень.

У Пушкина – осень болдинская,
а у меня – болтинская:
или болт забиваю,
или болтаю – болтаюсь по городу,
ещё далеко до проруби
ветер срывает листья,
качает деревья, а
дома, кажется, кошка забеременела:
её время – моё безвременье
часто гости приходят,
иногда я встречаю себя
в кепке мохнатой,
с рюкзаком пустой стеклотары –
это линька такая
звери меняют старые
шкуры, а люди меняют
меняю...меня...МММ

листовка 17. О паровозе.

Поверив медленному поезду,
я утонул под первым снегом:
– Не пой, не пой о Паровозе
с его кровавым долгим бегом!

А остановка затянулась
петлёю – станция кому...н –
на, ну да, в коммун не
остановка, а там реформа
светофора, нет, семафора
и паровоз летит, летит
нар пром зам ком под врот пути!

листовка 22.

об истории

водоворот мировой истории
выносит новые лица
а история творится творится
согласно закономерностям:

Наполеон нырнул и выплыл
Рейган – ядерный маньяк
и Пронин пляшет краковяк
уничтожая зло

а там, где кованый сапог
страшилок прошлых тяжких дней
спит сом истории земной
воздвигнутой на площадях!

Вот Ейки жирная плотва
пасется в бороде зелёной
и труд святых отцов Коммуны
питает корни бороды

речами полными воды,
полощет дЕвица знамёна
в реке истории глубокой,
в реке, которой вовсе нет.

БОРИС ПУЗЫНО

Книга

Первое предисловие

"...иногда случается, что языка мы не замечаем, замечая слова лишь, – будь то голос или печать / : вот и волос мягче меча.../; однако мы получаем удовольствие от того, от чего мы действительно его получаем, а не от того вовсе, говорят они, от чего нам следует-де его получать..."

кн.9 "Дождь и остальные времена года"

Предлагаемые произведения – не стихи, а речевые разработки для голоса. Их можно также назвать интонациями или текстами – как угодно. В той мере, в какой основой их являются субъективные голос и в целом дыхательная система автора, это – тот случай, когда "нет саги без друида", то есть восприятие текстов более уместно и естественно с голоса автора, нежели с листа. Впрочем, эта мера не является полной, к тому же по ходу развития традиции авторского комментирования текстов оно уменьшается. Поначалу тексты идут без комментариев, те начинаются позже (см. второе предисловие). К сожалению, место, отведённое автору в этом альманахе, не позволяет ему показать достаточно полную и гладкую картину складывания традиции и её дальнейших метаморфоз; возможна лишь более или менее целостная мозаика из отдельных текстов разных книг.

Хе-хе, стихи (2) – фрагмент немазохистского самодопроса

«...коробки с ваксой попадают в ловушку...»

Пикассо «10 стихотворений»

– Ты становишься поэтом, приятель:
исполать тебе им становиться –
пусть земля тебе будет пухом,
позабудет, что была тебе плугом
и всеми благами с хреном
и просто твоей привычкой –
только грустно видеть, как язвой
прирастает к тебе этот лейбл,
эта гнусная позорная кличка:
ты делаешься поэтом, приятель,
ты делаешься системным парнем,
: ты делаешься добычей.

Ты делаешь себе клетку
в общей системе клеток
здешнего зоопарка:
ты делаешься поэтом –
это престижная клетка;
ты ловко подметил;
здорово рассчитал;
всё как следует;
хорошая хватка.

Это уже финиш, брат Брут,
и я мог бы ударить –
да нуждаешься ли ты в уступках?
Ты уже не нуждаешься в таких услугах...

– Видишь ли, друг мой, ты заблуждаешься
: ибо ты друг мой.

Хе-хе, стихи (1)

Хм, постепенно ты делаешься поэтом, – да, дружок?
Постепенно ты вписываешься в систему, приятель, да?
Ты думаешь: не продавать себя – дороже, чем продавать?

: Исполать тебе, исполать;

быть-тебе-не-перебыть;
брат-не-неперебрат тебе;
женщин тебе, мужчин;
исполать тебе.

Удачи тебе, дурак-дурак;
поклонников тебе, шут;
прочного колпака тебе, брат;
, исполать тебе, дорогой.

: Хвала тебе.

Вина тебе.

Стихи тебе.

Чёрта с два.

КАЛИ Юга

У нас часто идёт дождь,
каждую осень почти постоянно,
случаются и ясные дни,
(как и тошнвые) – но чаще дожди,
почти постоянно,
из века в век,
из жизни лошади, истории общества,
из прошлого любого крестьянина
и его родни,
и его межи,
каждого дня его,
из всех его вех,

(знаемых сизмальства,
как и из судьбы его младшего сына – блудного сына его,
и старшего его сына,
писавшего об этой сырости,
и умершего от этой сырости)
и как и из детства, его и твоего собственного –
родины всех комплексов,
матери всех народов,
первой двери в Большую Ложь –
что приходит теперь плохим гостем
каждую осень
и приносит тебе трепанацию твоего мозга,
как каждый дождь.

И с каждой весной крестьяне хоронят хлеб,
чтобы потом принимать его долгий год;
и каждую смерть свою ты проживаешь в земле,
либо в своей семье;
и каждую осень ты сохраняешь в своей сурьме,
в своём кадмии, своём храме, в своём пейзаже, своей Марго,
в своей матери, в своём городе, доме своём, собственном тохусе,
никогда – другом.

... Ну, ты опять разводишь руками –
ты всегда разводишь руками
(это как йога – "видишь, какая она большая...")
а кость: "вон, любуйся нашими общими потрохами,
а то вчера – разводил руками,
сегодня развёл... (а мусор: "пока, мол")
давай, хлебай из лохани"
а ты: "прости, дорогая;
ну, плохо ли я тебя утешаю?...",
а мусор: "дерьмо стихи",
а ты: "так это и не стихи, видишь ли, –
: это одиночество моего греха,
это как йога – тут уж ничего не попишешь...
а система твоя..." а кость: "всё верно – труха,
коли ты и впрямь уже не боишься:
ни товарища Хи,
ни господина Хии",
а ты: "ни гóспода Ха".

А дождь падает на листья ольхи,
и на кору ольхи,
и на все те места, где растёт ольха.

... Проходят годы – вот ты и саньяси,
Пришло время – ты не саньяси уже, а Будда,
Много после – ты снова шудра:
Сан-Земля показала зад,
а то и покруче что: что земля она, грязная что (как и сам –
пока судишь, если ты ещё судишь,
или пока любишь, если ты любишь),
а старый так и не написал;
вовсе ничего не писал...
... в играх в лису и ястреба
выигрывает порою ястреб, иногда же – лиса...

А у красных ворот – запах вина и мяса,
у чёрного города – большое будущее,
у белого дождя небеса.

- ... тут ещё всякие анекдоты,
типа: "было у дурака три сына –
свинья, корова и Ибрагим"
или: "жили-нежили три сестры:
старшую звали средняя, а меньшую – сводная"
а то ещё: "эй вы трое, оба ко мне, живо"...
- Но число степеней свободы несильно отличается от "один":
либо помри, либо не помри;
- ... а всего и животных-то –
только женщины да мужчины.
И у всех две ноги.
Редко у кого три...

Эй, ты, подонок

Тебя толкает к пропасти,
в молодости – по прямой,
(вернее, по здешнему компасу)
потом – по кривой,
всё более по кривой,
но всё более по прямой;

а чем более поздно всё,
тем менее тебе больно и тем более тебе сносно,
но ссылка на возраст,
(сама уж ссылка – не воля) ссылка твоя на возраст –
твой самый неочевидный и подлинный комплекс,
односторонний твой, гладкий тормоз
для доброй тюрьмы на колёсах – попросту здешний эрзац наркоза
или покоя,
придуманной собственной твоей пропастью,
которая – прямо перед тобой,
всё более прямо перед тобой:

.пока твои комплексы остаются твоей семьёй.

Дождь (

посв. Эриху Фриду

Каждая звезда величиной с ладонь.
Каждая ладонь величиной с тело.
Каждое попадение величиной с маленькое счастье любви.
Каждое дело дождя величиной с морозящую нас природу,
пребывающую в нас глину длиной в семь дней.

Каждое слово величиной с семя плохого песку.
Каждая пыль величиной с живородящую боль.
Каждый миг почти величиной с добро.
Каждое зло величиной с век.
во все его дни.

В дождь все пустоши величиной с дождь,
каждая капля величиной с посев,
Каждый путник длиною с пустошь и путь свой
от матери Чрево до отца Склеп, как и от мамы Глух до папаши Слеп,
из воров да в воры –
... а ты всё идёшь себе, будто и впрямь идёшь,
будто капли по нам – и желание и отсутствие его,
а страсти по нас – не история дамы буб и шестёрки тref,
а История;
и поминки по нам – только воспоминания, а не ложь,
и вовсе не горе,
а каждому из родившихся не уготован свой хлеб,
и по каждому путнику будто бы суждено распутье,
а каждому плотничающему – распятие,
а каждому второму проклятие,
а каждому – мать его.

... если родственники твои – родственники на языке "шмотки",
то диагносты твои – монстры на языке "йога",
а истоки твои – истоки только на языке "истоки"
и лишь пороги на языке "доползти до окна",
но если тебе уже по дороге с тем, с кем тебе не по дороге –
то какая разница – промочил ли ты ноги
или не отпустил ли ты брату во брате ложного долга

и не намочил ли ты себе голову, старина,
и не оставил ли у любимой своих калош –
нешто каждая ноша тебе не жена,
если не каждый дождь величиной с дождь.

Колыбельная жизни

Спи, моя маленькая сухая трава –
бренная земля на Большой Тоске,
дом колыбели моей и веры моей.

Спи, Сан-Педро – маленький ленинград, бrenное чудо на островах.

Спи, маленькая Москва – бrenная земля на москве-реке,
белая на своём, бурая на её языке, буром её языке.

Спи, маленькая плохая земля родителей и сыновей,
праведных и неправедных сыновей,
равных и в дураках.

Спи, вымирающий да не помирающий никак всё мой прах.

Спи, древняя маленькая Мария, бrenная колея на моей руке.

Равновесие

На чёрном поле НИКОГДА не вырастут белые цветы;
но на другом они не были бы видны...

РАЗГОВОР А

О, ты хорош.
У тебя ружьё, у тебя нож,
У тебя "Пежо", у тебя "Порше",
У тебя вожжи, у тебя вождь,

как и жрецы у тебя, и для тебя же их жгут.
И у тебя цирк и у тебя суд.
У тебя два права на правду, как и право на труд.
У тебя равенство, как и братство, демократство и лизин пруд.

Когда тебе плохо – ты самый святой из святош.
Когда тебе хорошо – ты вошь.
Но плохо тебе не бывает – для этого ты слишком хорош...
К тому же: у тебя не только "Пежо", но и Ной и Кокошнка,
к тому же: ты давно здесь живёшь,
очень давно здесь живёшь.

... воевать с тобой тошно,
да и проигрышно, а привыкать к тебе – без толку:
ты всех нас переживёшь,
и детей наших заберёшь,
и внуков заложишь с детства, а там – не упомнишь;
а правнуки научат тебя Сезанну (известному уж тебе),
и научатся чистить твоё ружьё и рисовать твои ножны...
О, ты давно здесь живёшь:
ты местный,
оттого и живёшь так и оттого хорош...

ан завтра умрёшь ты –
и тебе уж будут неинтересны:
ни "новая дрожь",
ни старая ложь,
ни пегая лошадь,
ни белый дождь.

... пожалуй, единственная возможность
сыскать-таки тебе тогда место –
рассказать хоть на пальцах
про ту сказку про "не было" и про белое в этом и про "дождьдождь":
то да сё, четырежды двадцать,
то есть – с праздником тебя, сапожник,
с праздником, что не пьёшь?

РАЗГОВОР Б

ВОПРОСЫ: Кто ты?
и
                          Чья ты шлюха?

ОТВЕТЫ: Святая.

                          Святых.

РАЗГОВОР В

*

У тебя шарм, приятель, а у меня – шрам,
у тебя топор – у меня кора,
у тебя армия – у меня же лишь аура,
у тебя хоромы, а у меня – храм...

Но у тебя душа и у меня – душа...
:такая скажка и впрямь хороша, о да.

*

В текстах такого типа ты – это не Ты, и я – это не Я; это просто две разные альтернативы, и обижаться тут не на что (да как будто и некому), хотя, конечно, и ты и я, равно как и Ты и Я, по-видимому, всё же обидятся – в меру своей неискренности.

Разговор Д

- +удожник, ха-ха...
- ... +а

вот два текста на выбор:

а) Равновесие

Ты лучше меня лишь тем, что не говоришь, как я, во всеуслышание, о том, что все мы – фарисеи и проститутки.

- б) буржуа это всегда сосед справа
проститутка это всегда сосед слева
убийца это всегда верхний сосед
дурак это всегда сосед снизу
фарисей это всегда, конечно же, сосед по подъезду

Из этих двух текстов второй, естественно, больше нравится читателю, поскольку он более "поп", то есть в нём вся концепция равновесия первого текста, сама по себе не окрашенная никакими эмоциями, уходит и уходит, как бисер в игру со свиньями, в чувства, в окраску (в данном случае – в печаль и иронию), в проституцию, короче говоря, можно, разумеется, привести массу демагогии о том, что есть искусство и есть ли вещи значительнее его, но это-то и будет натуральным фарисейством, и чем дальше в лес, тем больше дров, чем больше окрашивания, тем дальше уход в поп-эмоции (вернее, в эмоции, ибо существование не-поп-эмоций (в "литературе", и "жизни", то есть в литературе и жизни*) едва ли возможно); ... и уж об этом-то никогда не скажешь: "философия как процесс начинается отсюда" ... У кого флейта – тот не играет.

---

*см. текст "сколь, столь"

Имена

У тебя под ногами обычно две твои клички: "помоги", "зря"
: и все те враги, которых ты назовёшь "врагами" – твои враги,
о да, и
все те друзья, которых ты назовёшь "друзьями" – увы, друзья,

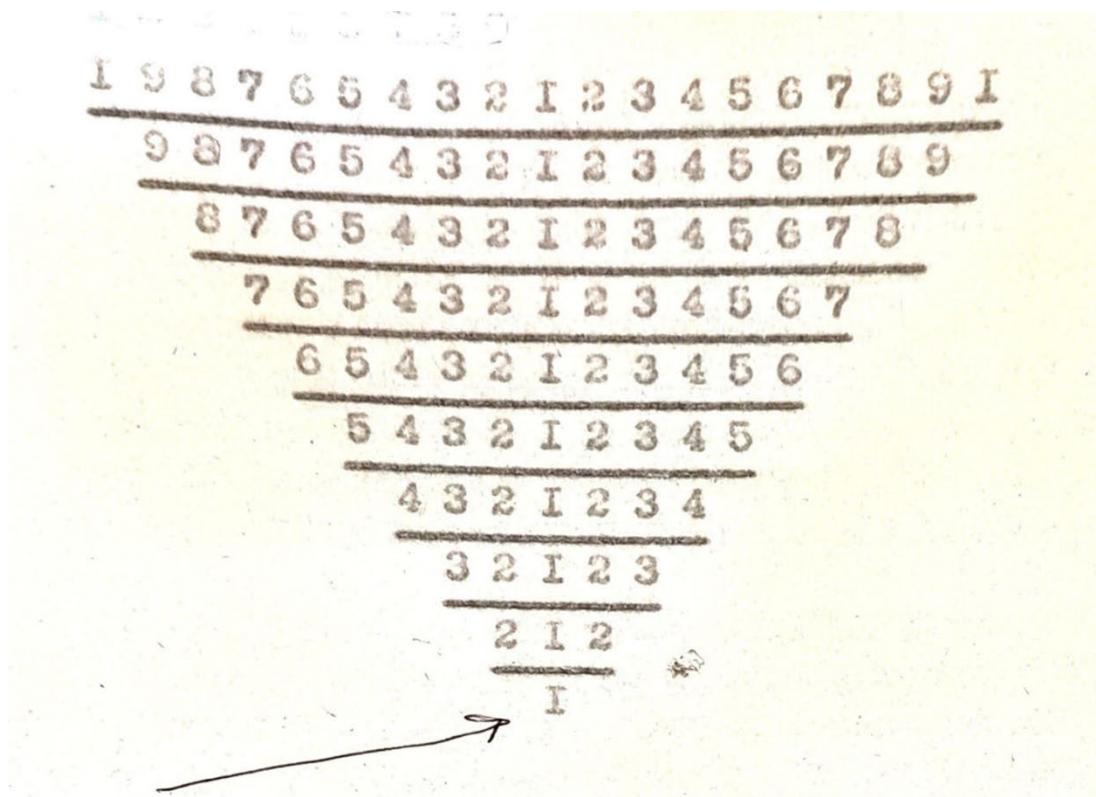

: увы, друзья...

Что сказать об этом тексте? Это явный поп-текст, т.к. он несомненно красив, и красив потому, что структура его специально рассчитана таким образом, что он "ложится на ухо", к тому же он просто заигрывает с читателем (":увы, друзья..."). Однако в нём содержится ещё один, основной и отнюдь не "поп"текст, состоящий из второй и четвёртой строк данного текста, которые и содержат философию, связанную с названием текста. На самом деле, без "необязательных" слов, они выглядят достаточно просто и благородно:

Все те враги, которых ты назовёшь "врагами" – твои враги.
Все те друзья, которых ты назовёшь "друзьями" – твои друзья.

"Имена" – это два текста на выбор.

22. Древо (снизу вверх)

Эта каллиграмма является названием книги 8, фрагменты из которой приведены далее.

Предисловие и второе название

Книга 8, фрагменты из которой представлены на следующих страницах, продолжает начатую ранее традицию комментирования* как более ранних, так и параллельно создаваемых текстов – подобно тому, как каждый ярус "Древа" вбирает в себя содержание нижележащего яруса, который, в свою очередь, вбирает содержание лежащего ещё ниже, дополняя его собственными листьями и ветвями, и т.д.. Обогащаемая таким образом традиция, достигнув цветения, уже способна вернуться к своим корням в нижних ярусах и, получив такую возможность, обрести с нею тот покой, что и тайлся в её сколь неосознанном, столь и естественном движении в себя. Замыкаясь на продолжении своего прошлого, традиция беседует сама с собою.

"О чём?" – спросим мы. "О самой себе", скажет она; но такой ответ предусматривает и следующий вопрос: "как?", ответ же на этот вопрос – уже тема отдельного исследования; так остановимся же на своём вопросе "О чём?" в той его стадии, когда она ещё не дала на него своего ответа, и поищем другой ответ, не переводящий беседу в иные измерения. Пожалуй, близкий к такому ответ можно найти в одном из текстов книги 7: с учётом вышесказанного текст этот может быть предложен в качестве другой стороны названия, которая выглядит так:

"...известная фраза "в саду господней всякой твари есть место" помимо очевидного значения содержит ещё и ВЫСОЧАЙШУЮ гармонию, смысл которой очерчен словами "сад" и "тварь" (тварь в нынешнем понимании слова). Эту идею природного равновесия в пределах той же структуры можно выразить и иначе: "в грязи господней всякому ангелу есть место". Эти два варианта всё же различаются: в первом из них понятие "сад" (как более широкое

---

*Комментирование это довольно условно, поскольку каждый комментарий составляет одно целое с комментируемым текстом – то есть новый текст, состоящий с исходным примерно в том же отношении, что и вышележащие ярусы "Древа" с нижележащими.

при такой структуре фразы) доминирует над понятием "тварь", точно так же во втором случае понятие "грязь" доминирует над понятием "ангел"; таким образом, первый вариант является скорее позитивным, нежели негативным, а второй – наоборот. Однако оба варианта говорят об одном и том же, о равновесии, и сами, являясь двумя разными ипостасями этого равновесия, равновесно дополняют и взаимообуславливают друг друга.

Пойдя на известный компромисс с "искусством", можно написать и так:

в саду господнем всякой твари есть место;
в дому господнем всякому вору есть дело;
в хлеву господнем всякому святому есть стойло.

... а можно и не написать."

Место печали (или поэзии – как угодно) – обработка
текстов из кн.

"...плакать и пальцы, песчаный плеск-
:вне досягаемости обычных средств"

кн.2

Вот фрагмент первоначального текста:

потом всё было пасмурно и просто
пейзажи были плавны и пусты
потом я ничего уже не вспомню
но помню – это было не по мне

и далее:

за пеленой печали и пассатов
под покрывалом пауз и полей
по переулкам снега и поленьев
я шёл как очарованный аббат

Всё это – в прошлом. Из плохого прошлого не будет хорошего будущего.
Однако в пределах данного текста будущее – комментарий к прошлому.
Посмотрим, плох он или хорош:

Прощая, прошлому в угоду,
поход по прошлому в такую погоду –

проулком снега и поленьев
(окрест сарая дровяного),
полями всхода и исхода*
(окрест канона лубяного)

и трактом около полей,
как и тропой печали и познания,
я шёл, судьбу её кляня,
и:

шёл, ходьбу свою кляня:

---

*места пустеют год от года

отдал полжизни за коня-
будто и не было коня...

и:

сколь бы ни было Меня, сколь много ни было Меня –
столь мало было обладания: будто и не было меня...

"Ну, до свидания, до свидания;
всё равно это не имеет названия;
всё равно ведь усядусь в сани я;
всё равно потом устану я."

В прошлом не всё по-прежнему:

... я шёл и вспоминал и, вспоминая,
поместья, пропивая, я пинал;
потом, наверно, захотел вина я –
не помню, да и жизнь теперь иная...

"... подожди, скажи мне такую вещь:
я – душа твоя или вещь?"

– До свидания, до свидания...

– Я – трава твоя или брешь?

Увядание твоё – где я?

Увядать ли мне?

– До свидания;

это странно, почти литания...

До свидания, моя плешь"

Далее в первоначальном тексте стоит:

потом всё было пасмурней и проще
я выходил на улицы на площадь.
потом была берёзовая роща.
и проходя берёзовую рощу
все руки совмещаются с твоими,
все выводы склоняются к единству
все неводы вылавливают волны
все реки стоят берега своего и т.д.

Что ж, возможен и такой конец. Уместен и другой:

... потом была берёзовая роща;
и, проходя берёзовую рощу*,
все выходы склоняются к убийству
: лишь доводы склоняются к единству –
как руки примиряются с берущимися ими, будто с берущимся в
них;
или как трупы сталкиваются с балансом,
а труд их – с его усталостью и фиаско,
а "дальше – пуще" –
с "выбирай сам"...

(... а листья тополя падают с ясеня,
и листья дуба падают с ясеня,
как и листья вяза, хотя на ясене – ни листа...)

А у красных ворот запах вина и мяса;
У чёрного ворона – большое будущее;
у белого дождя небеса.**

Тут ещё разные молитвы, типа: "Господи, спаси наши души",
хотя ни единой души окрест...

...а пиппл всё слушает себе да слушает

да ест.

---

* ту берёзовую рощу, из первоначального текста.

** либо:

у белого бытия все места:
но это – "место печали"
:поэтому не все места...

Из посланий. (обработка текста из книги 7)*

а) Из послания другу

"...Дорогой Друг, когда у Вас появится своё мнение, Вы перестанете быть моим другом."

б) Из послания врагу

"...Дорогой Враг, когда у Вас появится своё мнение, Вы перестанете быть моим другом."

в) Из послания читателю

"... когда ешь лист дерева, важно разжевать как мякоть, так и прожилки. То, что природа сама позаботилась об этом, устроив лист с такой структурой, какая у него есть и при которой

---

* Это тоже из бесед традиции с самой собою. В этом месте вода чуть плещется на озёрной глади: плещется не оттого, что не улеглась ещё после ненастья, а потому лишь, что и установившаяся озёрная гладь тоже склонна к фантазии и философии (пожалуй, это тоже из игр в пятнашки традиций сложившихся равновесий, всё из тех игр в "Красоту"*** откуда и плеск.**)

** "как вчера: искрящаяся вода –
странно и это было всегда"

кн.1

" -скажи
или: -сам сказал
-скажи сам
-сказал"
"Разговор", кн.8

сто два описания плеска: снаружи и изнутри.

*** "... по обе стороны - красота..."

кн.4

невозможно жевать мякоть и прожилки отдельно, нисколько не умаляет важности этого (ведь она не позаботилась о том, что ты жуёшь именно лист, а не обычную манную кашу или мясо). Утверждения типа "я и ем как раз манную кашу или мясо, а отнюдь не древесные листья" выражают меру нашей некоммуникабельности и к тому же: – : заведомая ложь. Утверждение, что и весь этот текст таков же – не столь заведомая, но столь же ложь...

...всё дело в том, сколь важно, прожёвывая лист, заметить в этом как прожёвывание мякоти, так и прожёвывание скелета..."

г) Из обращения к данному тексту

"...ну, вот ты и свободе. :ступай"

Четыре текста с одинаковой концовкой (обработка текстов из кн. 1, 6 и 7)

а) Ты пришёл ко мне словно бы обычным гостем, а потом снял мне скальп, но, уходя, не забрал его.

: Вот мы и равны

б) мрак это свет КОТОРОГО нет,

а:

свет – это свет КОГДА его нет

: Вот мы и равны

Вот две миниатюры, о которых пойдёт речь.

Первая - просто каллиграмма, дающая начало традиции:

+ удожник (кн.1)

Вторая выглядит так:

-+ удожник? ха-ха...

... +а.* (кн.7)

Это уже, пожалуй, и не реплика, а маленькая беседа развившейся традиции первой миниатюры опять же с самой собою; в ходе беседы первоначальная концепция успевает испытать сомнение, закомплексованность и закомплексованную самонасмешку, наконец растерянность и разочарование, и в разочаровании своём прийти к самой себе. Это всё равно как плыть по реке короткой дорогой, то есть от истока к устью, либо долгой – то есть, проплывая от истока до устья, вернуться назад к своему истоку и оттуда снова плыть к устью, либо плыть сразу в обе стороны ("любить ли эту реку?" – хороший вопрос, но к кому он? кто плывёт? – разве что к самому плаванию...)

... Оба текста, по-разному возвращаясь вперед себя (как и

---

* вот мы и равны

жизни в попытке возвращения), моделируют движение, замкнутое не на себя даже, а на своё продолжение (что, верно, и означает покой...); здесь, как и всюду - каждый смысл "преследует" абсолютно якобы адекватную ему форму, подобно тому, как солнце в зените "преследует" солнце в закате (кто кого преследует? кто кого любит? кто кем взаимообусловлен?... - ...река она и есть река, течёшь ли ею от истока к устью, или "от истока к устью", быстро ли, медленно ли, в ту или иную погоду. И долгая дорога годна,

если короткая хороша...

Как худу быть без добра? То есть:

"... не было бы любви -
не было бы и её узды
и столь же быстрой её езды,
сколь медленной её ходьбы..."

:Вот мы и равны

) На чёрном поле НИКОГДА не вырастут белые цветы;

но на другом они не были бы видны...

:Вот мы и равны

Два описания одного процесса (обработка текстов из кн.7)

А. (первое описание)

Когда мы засыпали, мы были братьями; когда мы проснулись, мы были днём и ночью.

:как невелик необходимый опыт

Б. (второе описание)

Когда мы засыпали, мы были братьями; когда мы проснулись, мы были сон и явь.

Любовь не так проста...

Тут автору, пожалуй, и нечего добавить.* Здесь всё сказано.

---

* в той мере, в какой любовь из "двух описаний" – это любовь к ближнему. Что же до самого "процесса", то его можно назвать "дополнением к преобразованию души любовью"; ... а можно, разумеется, и не называть...

Это вопрос даже не вкуса, а скорее незаинтересованности самого поступка - всё равно что сказать - ":вот мы и равны"

В. РТОМКЕР

Кое-что из всяких-разных сборников
за февраль-июль 1986 г.

В душе образовался тромб
:пили,пили,коли
Я слышу шум всё новых бомб
:коли,коли, пили

...

:мы были людьми

...

:мы станем людьми

стенли кубрики и стенли крамеры
Собралися в газовой камере,

ждут

Когда их тело навсегда

Покинут мысли,

да-да, да-да

Я: – включаю смеситель.

Мама
с сыном-идиотом едет в троллейбусе,
добрая мама.

У каждого свой гуманизм.
Спартанцы, например, бросали
хилых в пропасть.

Он не хочет кричать, но получается крик.

- ВОТ НОВАЯ ПУСТОТА -
- ВОТ НОВАЯ ЁМКОСТЬ -
- ВОТ НОВАЯ ВИДНОСТЬ -
- ВОТ НОВАЯ СМЛОСТЬ -

М.К.

ОН СПИТ КОГДА И ГДЕ
С ОСКАЛОМ ПОЛОСАТЫХ МЫСЛЕЙ
ЗАКРЫВШИСЬ НЕСМЕРТЕЛЬНЫМ ОДЕЯЛОМ
В УДОБНОЙ МЕБЕЛЬНОЙ КОРЗИНЕ
ЗАПОЛНЕННОЙ ВНЕ ВЗГЛЯДА СТЕКЛОТАРОЙ

КОГДА НАСТАНЕТ НОЧЬ
ОН СКАТИТСЯ ЗА ШКАФ
И ВНОВЬ НАШ ДИАЛОГ ЗАЖЖЁТСЯ
ВСЕ МЫСЛИ СУХО ПЕРЕБРАВ

Он ушёл.
Я вижу — он убит:
Или искалечен так,
Как будто выстрел
Пришелся в мозг.
Он видит смерть.
Он слышит ее звук.
Он думает: всё так просто,
Как будто выстрел
Пришёлся в пакет редиски,
Лежащий у него в авоське.

– Привет,
мне кажется, как будто, ты стала меньше ростом?
– Нет,
просто
я – беременна.

Скройся с глаз моих, дорогая
золотая рыбка,
птичка,
душечка,
лапочка,
гуленька,
свистуленька,
одуванчик,
пирожок,
мягкая подушечка,
детская игрушечка,
свежая ватрушечка,

у тебя вместо ног – спички,
вместо глаз – яичница,
вместо рта – дырка,
вместо тела – бочка,
вместо головы – крышка,
вместо грудей – фиги,
вместо попы – слива.

Она стала смешной
расторопной
домашней
богиней
/ и угощает меня клубничным вареньем /

У меня есть подружка с лицом наркоманки
Я еду к ней
После очередной продолжительной пьянки
Она спит со мной, я сплю с ней –
в этом мире всё просто:
    короста
покрыла
    мой
    мозг.

Кругом одни скоты,
менты,
кроты,
посты,
мосты,
зонты,
коты,
рты,
хвосты,
животы,
кранты,
Хе, а вот киоск с мороженым...

или

Я глажу её по лицу шерстяной рукой
Пустой, текучей, зыбкой,
Колочей как запах улыбкой
Мне отвечает она

или

Я глажу её по лицу волосатой ногой
Простой, тоскливой, хлипкой,
Вонючей как нимфа улыбкой
Мне отвечает она

или

Я глажу её по лицу коричневым носом
Устойчивой, вялой, липкой,
Прекрасной как клизма улыбкой
Мне отвечает она

или

Я глажу её по лицу старым поносом
Смешной, тараканьей, гибкой,
Кошмарной как мрамор улыбкой
Мне отвечает она

или

Я глажу её по лицу логической мойкой
Правильной, цепкой, шибкой,
Холодной как кактус улыбкой
Мне отвечает она

или

Возвышенные мысли портят дело.

Я думаю о жизни, о былом,
О будущем, когда душа покинет тело,
О смысле бытия и о другом,
Котором вслух не говорят...

... Ну вот,
Картошка снова подгорела!

Звенит капель — опора весны,
А солнце с днём играя
В блаженном счастье пребывает
Досматривая сны
О зимних вечерах
О крошечных кострах,
Что умерли под белым покрывалом
И превратились в русла рек.
— Эй человек,
что ты там роешься в помойке?

Снилось – снись
Вот беру я нож голодный
На лице её холодном
Выцарапываю мысль.

Успокойся, откинься
на кресло,
закинься
в отместку
хрустальным колесом
и станешь невесом,
как ОМ, простой и чистый,
и перережь мне мойкой горло быстро.

Я глажу мохнатую шерсть
Прямым, как смысл, рубанком,
Я еще я хочу есть,
        пить,
        спать,
хочу стать панком,
/или перестать быть панком/,
        читать Фриша,
        афиши,
        Мишу,
        Диму,
        Федю,
        Володю,

Нет, Володю в баню,
Я лучше прикарманю
что-то по-полезней,
Напр. Буду любезен
с Мишей,
пусть ест свои пробки и вилки
в условиях автопоилки
с кружкой
пива,
с подружкой водкой.
Находкой
походки
селёдки
заканчиваю гнать.
Глядь,
а мозги тлеют,
        тлеют,
        тлеют...

сегодня ночью разрезав бритвой свой глаз, я понял, что слеп:
проекция внешнего мира наполнила бездонный зрачок словно склеп
а в склепе, как известно – вход есть, только выхода нет никогда
и вся информация в виде гноя и плесени неспеша потекла в никуда
да-да
да-да

Крестьянин матросу рабочий
Солдат крестьянину матрос
Рабочий солдату крестьянин
Матрос рабочему солдат
друг
товарищ
и брат

- Фил,
ты знаешь, что такое Кама сутра?
- Не знаю... Хрен знает,
но когда Камаз с утра
и до места –
это фиеста.

На улице жара страшная
Там же тьма кромешная
Это только реакция моя внешняя
На настроение моё, смешанное

с приличной дозой вчерашнего

Мама, мама,
милая мама...
Может быть больше ни грамма?

Возьми все:
телевизор,
холодильник,
магнитофон:
оставь
только
меня.

в покое.

в приёмном покое.

Ночь. Трасса. Ветер.
Вдвоем в кювете
ждём рассвета,
ждём удачи.
    Не плачем,
холодно, но ждём.

Придёт утро –
будет усталость и скорость.

Свет холодных фар
убивает надежду
в остывшем мозгу.
Жду
попутку и берегу
название
пункта
своего
назначения.

Меня потрясает активность сломанных
жизней

Меня удивляет наличие продолжения
рода

Меня утомляет шум механических
средств

/чем больше живу среди людей,
тем больше теряю свойств человека/.

Однако,
меня останавливает страх перед вечным

Кунсткамера боится зубной боли,
я живу на воле,
вроде как на воле:
на самом деле – на поле:
с одной стороны циферблат часов,
с другой – наличие мер и весов
плюс шум голосов,
с третьей,
поверьте,
отсутствие смерти
и присутствие километров трассы
/- прекрасно/
с четвертой –
остальная гадость.

/возможно/ Симпатичный ублюдок /я/

/наверняка/ Приятная женщина /она/

О чём нам говорить?

— — — — —

Безрогий

козёл – это всего лишь наличие
патологий.

я вычислю время /оставшееся мне в этом
замкнутом пространстве/, которое нужно
заполнить чем-то вроде, чем-то:
, 20 минут – кипенье чайника /заварим,
впрочем, нет всё равно/
, на хозяйство /допустим – заштопать
носки/ – сколько-то /мало, может
совсем ничего/
, ещё колесо тазепама – секунда
, почитать книгу, любую – лучше
без смысла –
, /одновременно слушая Боба Марли/ – всё
оставшееся время

Всё.

ДЛЯ ВЕЧНОГО БЕЗДОМЬЯ – ГОДЕН

четверостишье

Ты не увидишь её, не поцелуешь,
потому что произойдёт ЭТО.
То самое, которое немедленно
рекомендовал сделать М.К.

(он приедет на похороны
последнего пивного ларька
на автомобиле эм-ка.

(– что делаешь?

– ем, Ка...

то бишь – закусываю,
мудрый змей Ка.)

Змейка людей от ларька

до ларька в облака...

– Жаль, что нет дома того дурака, –
так подумает или скажет М.К. –
а то бы пивка...)

только мёртвые думают
только мёртвые умеют
только мёртвые говорят
только мёртвые жалеют
только мёртвые знают
только мёртвые видят
только мёртвые слышат
только мёртвые дышат
только мёртвые могут
только мёртвые любят
только мёртвые живут

только среди мёртвых – люди
только среди мёртвых – боги

три настроения середины мая

Зря только ложку
нёс в столовку, –
на ужин всего-то
кусоч запеканки.

За окном торчат две
полосатые трубы, только
не дымят всё равно.

У больной, что лежит в коридоре под
капельницей, маленькие поросычьи глазки.
Завтра узнаю, что она умерла

о 1982^М

... здесь в кровь вливают антифриз
под кожу гонят злой туман
тут в глотку лезет братик-лис,
бьёт по душе, как в барабан...

Я сижу, смотрю телевизор.
Просто так себе – сижу и смотрю.
Впрочем, вот уже и не смотрю.
А так себе – сижу и сижу.

рассказ однофамильца, переделанный в небольшую, но застольную поэмку

–... и сладкий, сладкий голос приходит в сон
и всё уходит
и остаётся человек: смешной, забавный, стрёмный
и без лица /оно заменено пустой поверхностью яйца/
и белой, белой, белой кожей
и сон становится, как сахар – белый
и с мрачной рожей этого лица, как будто я знаком
и узнаю его: – да, это ж он! Меня зовёт мой Дельвиг милый
и снова повстречаю я его в далёком городе на страшном холоде
и разопьём бутылку вина дешёвого
и крепкого, столового, но липкого, как кровь из укрощённых вен
и будем кушать макаронки уставшими зубами
и вспоминать о прошлом: стол, окрошка
и девушка с огромными глазами, крошка
и страшная жара
и пляшет без конца изгиб бровей, овал её лица
и ,кажется, без ограничений глаза те лапают мой мозг
и вермут сладкий в нём переместился
и сладкий, сладкий голос вдруг укатился
и ,обернувшись, я убедился: Дельвиг-мудель съел весь пудинг
и всё смотрел, как чёрный пудель перегрызает горло ей
и ничего не видел я страшней
и горько стало мне
и выпив водки, ушёл блевать...

– И, что та блядь – жива?

– Жива ль? Куда там... подохла, дура страшная

–"Критика Готской программы",
мне говорит мама.
Мне говорит мама:
–"Критика Готской программы" –
важная вещь.

Так говорит мама.

–Ты, настоящий лапоть,
мне говорит папа.
Мне говорит папа:
–Ты, настоящий лапоть –
ни черта не умеешь.

Так говорит папа.

Я не слышу ни мамы, ни папы,
Потому что слушаю Фрэнка Зенну.

Она хотела со мной переспать,
Я же этого делать не мог.
Она хотела со мной переспать,
А я: ни туда - ни сюда.
Она хотела со мной переспать,
Я и не мог этого делать тогда.
Да, наверное, и сейчас бы не смог,
Как тогда уже не хотел.

Туртрансом

а нука грошики аорт и панек
сандаль бефортер нулен ми
киздрючу фазу лунгых манек
шандровых зенек тингер ли

шировая лупендит нутра
зацовых эгерных ламуг
вановых керит заракутра
наипортфейнейншиг нурюкь

кудаль кудаль цокае туна
а прочем холдеж ниоком
виснет терево отсука
свинтячит воненьким бужом

стрекочет ментик холдым баем
шарашит стопер: «Транк набуй!»
а летик зырит с разгробаем
идролит самый небалуй

постэпиграф :

Берёза – дерево–суицид.